

Добрым людям на услышанье
БОРИС ШЕРГИН

ПОМОРСКИЕ РАССКАЗЫ. БЫЛИНЫ. ДНЕВНИКИ

Москва * «Никея» * 2022

ББК 84<2Рос=Рус>6-44
УДК 821.161.82.34<081>
Ш 49

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-134-3466*

Шергин Б.В.

Ш 49 Добрым людям на услышанье. Поморские рассказы. Былины. Дневники / Шергин Борис Викторович / сост., авт. предисл. Е.Ш. Галимова. — 2-е изд., испр. — М. : Никея, 2022. — 512 с. : ил.
ISBN 978-5-907628-17-5

Борис Шергин (1893–1973) — глубочайшее явление русской литературы, великий мастер филигранного, «строящего душу» слова, корнями уходящего в народное творчество Русского Севера, его сказы и былины. В этом сборнике лучшие произведения автора сгруппированы по главным для него темам: о подлинных узах семьи, о передаче детям «отцова знания», о нелегком «морском служении», о стремлении народа-художника к красоте, о прекрасной и суровой северной земле. Особый интерес представляют выдержки из дневника писателя за 1939–1968 годы. Они позволяют прикоснуться к его самым сокровенным мыслям о вере, о человеке и его соработничестве Творцу.

**ББК 84<2Рос=Рус>6-44
УДК 821.161.82.34<081>**

ISBN 978-5-907628-17-5

© Шергин Б.В., наследники, 2021
© ООО ТД «Никея», 2021
© Галимова Е.Ш., составление,
предисловие, 2021
© Близнюк В.В., фотографии, 2021
© Афонин А.А., наследники,
фотографии, 2021

Елена Галимова

СОКРОВИЩЕ, КОТОРОМУ И МЫ НАСЛЕДНИКИ

«Во всей внешности человека ярко отражается духовная сущность его», — писал святитель Лука (Войно-Ясенецкий), отмечая, что «высшую ценность нравственной красоты и мерзость безобразия являет природа в кротких и чистых глазах добрых людей, в отталкивающем виде злодеев и бесчестных»¹.

Три русских прозаика, встречавшиеся с Борисом Викторовичем Шергиным в последние годы его жизни, оставили воспоминания о нем. И все трое, не сговариваясь, подчеркивали в облике старого писателя особую внутреннюю красоту, отмечали в его внешности черты, вызывающие в памяти иконописные и житийные изображения святых.

Федор Абрамов увидел Шергина таким: «Хорошо помню его светящийся лик (ничего больше подобного не видал), его неторопкую, умиротворяющую речь. Как ручей в белой ночи... И еще помню, как светло было у меня на душе, когда вышли. Как в детстве, когда выходил из церкви на Пасху. И по-иному выглядело все на улице. Пахло весной. И люди все хорошие. <...> Впечатление. Побывал в XVI — XVII веках, а может быть, у истоков. Святой, и вещий боян, и монах, и летописец. <...> Вышел с ощущением святости. <...> Комната — подвал. К вечеру было дело, темновато. <...> Но — свет. Свет от старичка на кровати. Как свеча, как светильник. В памяти вставал почему-то Зосима Достоевского, в последний раз наставляющий Карамазовых, деревенские старики, которые уже «сожгли» всю свою плоть. Бесплотные, бестелесные... <...> Впечатление — благодать, святость, неземная чистота, которая есть в картинах Вермеера Делфтского. Слепой старик. А весь светился. <...> Праведник, святой в наши дни — не чудо ли?»²

1 Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Дух, душа и тело // О человеке. М., 2004. С. 234, 236.

2 Абрамов Ф. А. Б. Шергин // Абрамов Ф. А. Слово в ядерный век: Статьи, очерки, выступления, интервью, литературные портреты, воспоминания, заметки. М.: Современник, 1987. С. 417, 421–423.

Юрий Коваль, который был не только писателем, но и художником, сумел и словесный портрет Шергина сделать выразительным, запоминающимся: «Борис Викторович сидел на кровати в комнате за печкой. Сухонький, с прекрасной белой бородой, он был все в том же синем костюме, что и в прошлые годы. Необыкновенного, мне кажется, строя была голова Бориса Шергина. Гладкий лоб, высоко восходящий, пристальные, увлажненные слепотой глаза и уши, которые смело можно назвать немалыми. Они стояли чуть не под прямым углом к голове, и, наверное, в детстве архангельские ребятишки как-нибудь уж дразнили его за такие уши. Описывая портрет человека дорогого, неловко писать про уши. Осмеливаюсь оттого, что они сообщали Шергину особый облик — человека, чрезвычайно внимательно слушающего мир». Юрий Коваль вспоминает, что, взглянув на нарисованный им портрет Бориса Викторовича, сестра Шергина ответила на вопрос слепого брата, получился ли рисунок, так: «Ты похож здесь на Николая-угодника». А сам Коваль замечает: «Лариса Викторовна ошиблась. Облик Бориса Викторовича Шергина действительно напоминал о русских святых и отшельниках, но более всего он был похож на Сергия Радонежского»³.

Владимир Личутин тоже подмечает сочетание в облике Шергина черт немощной старости, неприглядности и побеждающей плоть, проступающей сквозь ветхую оболочку внутренней красоты: «Почитай, уж тридцать лет минуло, как повстречался с Борисом Шергиным, но весь он во мне, как окутанный в сияющую плащаницу неизживаемый образ. <...> Согбенный старик, совсем изжитой какой-то, бесплотный. Просторно полощутся порты, рубаха враспояску на костлявых тонких плечах, светится просторная плешь, как макушка перезревшей дыни <...> я поразился вдруг, какое же бывает красивое лицо, когда оно омыто душевным светом... От всего одухотворенного обличья исходит та постоянная радость, которая мгновенно усмиряет вас и укрепляет. Осиянный человек сердечными очами всматривается в огромную обитель души, заселенную светлыми образами, и благое чувство, истекая, невольно заражало радостью и меня. Я, молодой свежий человек, вдруг нашел укрепу у немощного старца»⁴.

Эта почти бесплотность облика, словно сотканного из света, — зримое отражение того внутреннего состояния, которого в старости достиг Борис Шергин,

3 Коваль Ю. Веселье сердечное // Новый мир. 1988. № 1. С. 153–154.

4 Личутин В. Мое упование в красоте Руси // Ясная поляна. 1997. № 1. С. 338–340.

пройдя долгий и скорбный путь. О сущности этого пути, — пути к Богу, без которого «мы мертвецы ходячие», — он говорит в одной из своих дневниковых записей: «Многоскорбен этот путь, но благодарен. Глиниста, неродима душевная целина у нас. Ничего не растет. Скорбями многолетними она вспахивается, печальями боронется, слезами засеивается... Зато очи сердечные откроются. Внутренний человек, зрячий и с тонким слухом, в тебе проснется»⁵.

* * *

Еще в 1979 году, когда в книге «Поэтическая память» были посмертно опубликованы «Избранное» и дневниковые записи Бориса Шергина, в ответ на утверждение Владимира Гусева, что записи Шергина «принадлежат явно отошедшему прошлому»⁶, Виктор Калугин писал: «Чем больше вчитываешься в эту своеобразную поморскую летопись, составленную нашим современником, тем больше убеждаешься: не прошлому, а настоящему и будущему принадлежит она»⁷.

Впрочем, чуткие люди понимали это еще в начале творческого пути Шергина. А. К. Покровская в предисловии к его первой книге «У Архангельского города, у корабельного пристанища», вышедшей в 1924 году, говорила о пагубности забвения традиций предков: «В старом народном искусстве — родина наша. Родина во всем: и в пейзаже, и в домах, и в крестах на могилах, и в старине, и больше всего в искусстве. Человек без родины — сирота. Потому что душа глубоко корнями уходит в родную почву, и если вырвать ее, — высохнут корни, будет перекаати-поле»⁸.

О, как нужен нам Шергин сегодня! Как много может он открыть полуслепым своим внукам и правнукам, тыкающимся в поисках очередного рая земного, ныне именуемого обществом потребления, рвущимся покинуть свою Родину или превратить ее в часть безликого стандартизированного бедламчика-вавилончика,

5 Шергин Б. В. Из дневников. Записи 1946 года / публ. Ю. Галкина // Москва. 1996. № 7. С. 170.

6 Гусев В. О книге Б. В. Шергина // Шергин Б. В. Поэтическая память. М., 1978. С. 122.

7 Калугин В. Слово живое и действенное // Москва. 1979. № 9. С. 216.

8 Покровская А. К. [Предисловие] // Шергин Б. У Архангельского города, у корабельного пристанища. М., 1924. С. 3.

подчиняющегося «новому мировому порядку». Как он нужен сегодня обманутым и запутавшимся своим потомкам, какое щедрое богатство завещал он нам — берите пригоршнями, пользуйтесь, положите его слова в сердце свое.

Радуйтесь, радуйтесь тому, что есть у нас Борис Шергин, который так любил Россию (и Архангельск, где прошли его детские и юношеские годы, и Русь Московскую, а особенно — хотьковские, радонежские земли), что своей этой любовью сумел осчастливить нас на многие поколения вперед, сумел поделиться с нами этим огромным даром любви.

Кому-то, наверное, тон мой покажется слишком восторженным, слишком пафосным, но другого тона я для разговора о Борисе Шергине не подберу. И еще, может быть, удивит кого-то, — да что он мог оставить в наследство, этот при жизни полузабытый писатель, считавшийся уже в середине XX века неким архаизмом, странным раритетом, все про любимые свои XVI да XVII столетия писавший и в современности чаще всего видевший черты прошлого, уходящего?

А я читаю и перечитываю и не могу надивиться его щедрым дарам. Что оставил? Да попросту — драгоценнейшее завещание, рассказ о том, как надо жить всем нам, как надо жить человеку на своей земле — всегда, будь то XV, XVII, будь то атеистические десятилетия XX столетия, будь то нынешние последние времена.

Он рассказал о том, что такое твоя родина, какими связями спаян ты с ней, что за радость и полноту существования дает эта связь. И с земной родиной, и с небесной. В дневнике Шергина 1953 года есть такая запись: «Заходил человек с родины... И что-то стало звать меня еще раз повидать любимую родину... Я вдруг почувствовал, что значит родина. Там отчий дом. Там дорогие могилы, там вековой наш род. Там сияющая пора детства и юности моей»⁹.

Немного можно найти в русской литературе произведений, подобных пропетому Шергиным гимну родной стороне — Двинской земле. Почти былинным слогом передает мастер величие нашего края: «От Студеного океана на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвиг... Обильно всем наше двинское понизовье. На приглубистых, рыбных местах уточка плавает, гагара ревет, гусей, лебедей — как пены. Холмогорский скот идет от деревень, мычит — как серебряные трубы трубят. И над водами и над островами хрустальное небо, беззакатное

9 Шергин Б. В. Слово о родимой стороне: Из дневников разных лет / публ. и вст. ст. Ю. М. Шульмана // Белый пароход. 1998. № 1 (11). С. 60.

солнце! Мимо деревень беспрестанно идут корабли: к морю один, к городу другие. И к солнцу парусами — как лебедь. Обильна Двинская страна! Богата рыбой и зверем, и скотом, и лесом умножена» («Двинская земля»).

Разве не наследство наше — эти картины? Разве не нужна нам обильная Двинская страна? Разве вправе мы, наследники шергинские, мириться с оскудением и разграблением ее?

...С годами «внешнее» зрение Бориса Викторовича становилось все хуже и хуже, а к старости он ослеп совсем. И тут произошло настоящее чудо: его духовное зрение приобрело такую остроту, что взор художника с легкостью проникал сквозь толщу веков, преодолевал тысячекилометровые пространства. Его «внутренний человек» созерцал сердечными очами не только сказочные святочные вечера, пережитые юным Шергиным в «родимом северном городе», волшебный мир детства, но и то, что происходило задолго до его рождения. Причем именно видел — реально, отчетливо — и проживал со всей полнотой, которую вызывают отнюдь не придуманные, не сочиненные, а пережитые события.

Россию, Русь Шергин видел всю — от родительского домика на Кирочной улице в Архангельске до густых саровских лесов, от дня сегодняшнего до истоков становления государства Российского. Именно видел, созерцал, любовно обводил взором. И эта его Русь — Святая, и никакой другой она быть не могла. А то, что свято, — вечно. В 1946 году Шергин записывает в своем сокровенном дневнике: «Все, что от Бога, то есть от жизни, от света, от разума, вечно пребывает и вечно существует, вечно юнеет. Святые «в Боге почивают». Про святых Божиих, как и про Бога, нельзя сказать, что они были. Они есть... Есть святые, которые любви и дороги многим... Так, всей Руси Святой люб Сергей Радонежский... Ныне он гражданин Иерусалима Небесного, и нет для него эпох и веков. Но любо нам ближе приникнуть к любимому... Если сердце наше горит усердием и любовью ко святому, то исчезнет завеса веков, и мы, возжелавшие увидеть, как игумен радонежский ронит лес на строение обители, как он шьет обушку на братию и как спешит по московской дороге на зов друга своего Алексия-митрополита, как Сергей призывает Русь на бой с татарами и как мирит враждующих князей... все это мы увидим несомненно и реально. Таинственно и непостижимо, но совершенно реально станут ноги наши на земле Радонежа, на холме Маковца. Твои уши услышат стук топора в дремучей дебри. Ты пойдешь по тропиночке и сквозь деревья увидишь белеющие срубы избушечек-келий... Вон и сам Великий пилит сосновое

бревенно с Исаакием... Перестала звенеть пила. Преподобные отирают холщовым рукавом пот с чела... Ты стоишь и не чувствуешь, что тебя кусают комары... Смолой и земляникой пахнет темный бор, благоухает духмян-травы... А ты плачешь от радости: не мигаючи согладаешь ты солнце русское — Сергия, созерцаешь ты зорю утреннюю, росодательную»¹⁰.

Никогда не бывавший в Оптиной пустыни, Борис Шергин любил ее всей душой. Он говорил о ней так, словно все здесь знакомо ему, а об оптинских старцах задолго до их канонизации писал как о святых. В одном из неопубликованных дневников Шергина есть запись, в которой он рассказывает о своем пути к любимому старцу Анатолию. И кто сможет сказать, что этого пути — внутреннего, духовного — не было? «Эти сто годов, — пишет Шергин, — что отделяют меня от времени земной жизни о. Леонида, не более существенны, чем туман, что был ночью сегодня, а утром исчез. Нету этих ста годов. Я, вот, ступаю по той траве, по которой старец Леонид ходит, я (с иноком Парфением) в сенцах стою, смущаясь войти в келью. Я не знаю, как меня отче встретит, пришельца из XX века... Передо мною низенькая, чтобы зимою не уходило тепло, дверь, обитая парусиной по войлоку. Эта низенькая тяжелая дверь... Эта дверь, дубовая, видно, за железную скобу которой я дергаю с усилием, и есть сто лет, отдалившие меня от старца, которого хочет любить сердце мое... Я с усилием отворил дверь. И вот уже стою в келии о. Леонида. Он сидит на кроваточке и смотрит радостно.

— Отченька мой! А где же эти сто лет? Я из страшных годов века двадцатого, а ты скончался в сороковые годы века девятнадцатого!

А он поет: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»»¹¹.

Не раз и не два упоминая о том, какое драгоценное наследие вручила ему милая родина, возлюбленный Север, Шергин прежде всего говорил о святых Зосиме и Савватии Соловецких. И увидеть их воочию, преодолевая пространство и время, он мог, казалось бы, без всякого труда: «Ехал на трамвае. Лубянка, Театральная... Толкотня, жмут, ругаются. А над городом, над площадью, за домами дальними туманная заря... И вот вижу берег родимого моря. День, тишина безглагольная, разве чайка пролетит и жалобно прокричит, рыба плеснет. Бледное северное небо.

10 Шергин Б. В. Из дневников. 1946... С. 174.

11 Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) Р. V. Ф. 278. Оп. 1. Д. 233.

В беспредельных далях морских реют призрачные туманы. В тишине несказанной слышен еще легкий плеск волн о камни... Серые камни, белые пески, раковины... В этой тишине, в тихом сиянии северного дня вижу двух иноков. Это преподобный Савватий и преподобный Герман отправляются на Соловки. Тихи их голоса, спокойны их действия. Преподобный Савватий выше Германа, тонок и худощав... ...Карбасик наполовину вытасчен на берег. Мачту поставят, выйдя в голомя, сейчас она с навернутым парусом лежит вместе с веслами и багром. Пестерь с сухарями, боченок воды — вот и вся кладь иноков-мореходцев»¹².

И еще Борис Шергин рассказал нам об очень простых вещах: о том, *какими* должны быть отношения между людьми — и в семье, и в обществе. В рассказах «Детство в Архангельске», «Поклон сына отцу», «Миша Ласкин», в рассказах о кормищиках и во многих других своих произведениях он показал *норму*, и если мы сегодня согласимся с тем, что это и есть норма, тогда наше общество останется семейным, соборным единством, а не превратится в структуру, состоящую из замкнутых в скорлупе эгоцентризма индивидуумов, в лучшем случае — равнодушных, а чаще — враждебных друг другу. Шергин показывает нам, что достойные отношения между людьми строятся по принципу разумной иерархичности, на взаимной ответственности, уважении и любви, а не на всячески навязываемых нам сегодня и чуждых русскому самосознанию требованиях беспрестанной борьбы за «права человека», борьбы внутренне разобщенных и чужих друг другу людей.

Ядром, основой, совершенной моделью устройства жизни каждого отдельного человека и общества в целом является для Шергина семья. Убежденность в совершенстве семьи как социального института, семейных отношений как наиболее достойных человека и естественных для него, последовательно и настойчиво утверждается в творчестве писателя, сохранявшего верность заветам отцов. Как пишет протоиерей Василий Зеньковский, «семья является идеальным типом социальной структуры. Самые великие и дорогие слова человеческого лексикона, относимые к Богу, — Отец, Сын. В природе семьи скрыты глубокие возможности, из нее берет начало подлинная иерархичность... — не простая, но связанная кровно. <...> Семья есть идеал всего мира»¹³. «Именно семья, — говорил

12 Шергин Б. В. Из дневников 1942–1953 годов // Шергин Б. В. Изящные мастера / сост., предисл. и сопровод. тексты Ю. Галкина. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 324–325.

13 Зеньковский В. В., *прот.* Педагогика. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С. 86.

русский философ И. А. Ильин, — дарит человеку два священных первообраза, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: первообраз чистой матери, несущей любовь, милость и защиту; и первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, у которого в душе нет места для этих зиждительных и ведущих первообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников духовной любви и духовной веры!»¹⁴

Атмосфера родительского дома, отношения, царившие в семье, навсегда остались для Шергина образцом домостроительства. Наиболее полно характер этих отношений раскрывается писателем в рассказах «Детство в Архангельске», «Поклон сына отцу», «Миша Ласкин», «Рождение корабля», а также в многочисленных дневниковых записях.

В иерархической структуре традиционной православной семьи первенствующее место, безусловно, принадлежит отцу. Вот как пишет об этом кандидат педагогических наук, протоиерей Евгений Шестун: «Отец имеет свойство рождать детей и по плоти, и духовно. <...> Отец знает уникальность каждого ребенка. Отец — это воплощенная жертвенность и любовь»¹⁵.

Отец Бориса Шергина, Виктор Васильевич, часто и надолго уходил в плавание, а когда работал на берегу, пропадал в пароходных мастерских дни напролет. «Мы видели отца дома, в Архангельске, только зимою, — пишет Шергин. — Прибежит в обед с верфи или из мурманских мастерских. Для спеху уж все на стол поставлено. И убежит — не убрано.

— Мне некогда. Машину пробуем...

За ужином ушки хлебнет, а рыбы не может:

— Я устал. Я лягу».

Умер он весной 1905 года, когда его сыну не исполнилось еще двенадцати лет. Казалось бы, он был попросту лишен возможности оказать на мальчика по-настоящему сильное влияние. Однако рассказы и дневники Шергина свидетельствуют об обратном: о том, что роль отца в формировании личности будущего художника и писателя была огромной. Как стрелка компаса, как послушные направлению

14 Ильин И. А. Семья в свете духовно-нравственных и культурных традиций общества // Духовно-нравственные основы семьи. Ч. 1. Основы духовной жизни. М.: Школьная пресса, 2001. С. 10.

15 Шестун Е., прот. Православная педагогика. М.: Православная педагогика, 2001. С. 460.

ветра флаги, «разворачивались» сердца домочадцев туда, где был отец. «Осенью, — пишет Шергин в рассказе «Детство в Архангельске», — когда в море наступят дни гнева и мрака, а об отце вестей долго нет, не знала мама покоя ни днем ни ночью. Выбежит наутро, смотрит к северу, на ответ только чайки вопят к непогоде.

Вечером заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками:

— Ох, деточки! Что на море-то делается... Папа у нас там!

<...> Зимой отец на берегу, у матери сердце на месте».

Рассказ-эпитафия «Поклон сына отцу» начинается словами: «Отец мой, берегам бывалец, морям проходец, ленивой и спокойной жизни не искал». Этот зачин определяет основное содержание рассказа и перекликается с утверждением, подытоживающим сыновние воспоминания: «А отец много на веку работы унес, много поту утер на зною у машины, на людей тружаяся. Не давая себе покоя ни в дни, ни в ночи». Характер отношения отца к труду, раскрывающийся в шергинских произведениях, определяется неустанной *потребностью* в работе, восприятием ее не как тяжелой необходимости, постылого бремени, а, напротив, как радостной возможности творческой самореализации и служения людям. Для Бориса Шергина отец — истинный и верный наследник многовековых народных традиций, и в соответствии с этими традициями он видит, как много *пользы* приносит труд: это и утилитарная, практическая польза — обеспечение достатка, безбедного существования семьи, и благо для общества в целом, и душеполезное дело.

Отметим, что в памятниках русской письменности XVI — XVII веков — Домострое и сочинениях митрополита Даниила — говорится о трудолюбии и как о христианской добродетели, и как о способе в земной жизни уподобиться Христу: «И Господь убо въ плотстемъ смотрении, якоже рече Великий Василий, по первому возрасту родителем повинуюся, и всяк трудъ телесне кротко, с ними ношаше»¹⁶.

Если в знаменитом трактате начала XIII века папы Римского Иннокентия III «О презрении к миру» (известном на Руси с XVII столетия под названием «Тропник») труд оценивается как наказание человеку за первородный грех, то в России уже примерно с XV века физический труд перестает восприниматься только как наказание и неизбежное зло, а становится средством спасения¹⁷. По Домострою, за-

16 Найденова Л. П. Мир русского человека XVI–XVII вв. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. С. 120.

17 Там же. С. 16.

бота о домочадцах, о ближних и служение им — долг истинного христианина и залог спасения.

Включая в текст рассказа «Поклон сына отцу» своего рода «поучение отца сыну» (жанр, характерный для Домостроя, содержащего «Послание и наставление отца сыну», «Поучение отца сыну» и в целом написанного как наставление священника Сильвестра сыну Анфиму), Борис Шергин со свойственными ему предельной лаконичностью и афористической емкостью формулирует отцовские заповеди так:

«Праздное слово сказать — все одно, что без ума камнем бросить. Берегись пустопорожних разговоров, бойся-перебойся пустого времени — это живая смерть... Прежде вечного покоя не почивай... Слышал ли, поют:

*Лежа добра не добыть,
горе не избыть,
чести и любви не нажить,
красной одежды не носить.*

И еще скажу — никогда не печалься. Печаль — как моль в одежде, как червь в яблоке. От печали — смерть. Но беда не в том, что в печаль упадешь; в горе — упавши, не встать, но лежать. А и смерти не бойся. Кабы не было смерти, сами бы себя ели...»

Это поучение убедительно свидетельствует о том, что в сознании русского православного человека не было принципиальной границы между трудом физическим и трудом душевным, они были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Характерно, что в Измарагде, одном из источников Домостроя, трудящийся человек уподоблен иноку — молитвеннику и постнику: «Аще бо земныя убегаити страды, небесных не узрите благ. Иже делателемъ Бог обещал есть от труда убо здравие и от страды спасение. Ленивыи же по апостолу да не ясть. Земныи же бо делатель подобенъ есть некихи постному жытию и труду, понеже сонъ отрясе на дело земное идеть, паче дому пустыня любить»¹⁸.

В отцовском поучении из рассказа Шергина наставления, касающиеся духовного состояния, воспитания души, призванные уберечь сына от тяжких грехов

18 Там же. С. 125.

(смертного греха уныния, ведущего к гибели души; нехристианского отношения к смерти; пустословия), неразрывно переплетаются с утверждением необходимости постоянного труда. Само требование «не почивать» «прежде вечного покоя» может восприниматься как относящееся в равной степени и к физической, и к душевной работе. Это прямо соотносится с утверждениями митрополита Даниила: «Леность бо всемъ деломъ зломъ мати бысть»; «кто убо на дело ленив — тот и о своей душе не подвизается»¹⁹.

В очерке «Запечатленная слава» Шергин называет отца в ряду других северных мореходов и судостроителей, также отличавшихся художественной одаренностью, тем самым подчеркивая общую для «морского сословия» тягу к творчеству, стремление продолжать и развивать традиции народной культуры: «Виктор Шергин мастерски изготовлял модели судов. <...> Любовь к слову сочеталась с любовью к художеству. Двери, ставни, столы, крышки сундуков в нашем доме расписаны его рукой. В живописи своей отец варьировал одну и ту же тему: корабли, обуреваемые морским волнением».

В рассказе «Рождение корабля» Шергин вкладывает в уста отца слова, обращенные к сыну и передающие его радость, вызванную согласием кораблестроителя Конона построить для артели судно: «Мне любо, что ты его художества насмотришься и золотых наслушаешься словес».

Но, наверное, главным, чем одарил отец сына на всю жизнь, что одухотворяло и его неустанные труды, и художество, и заботы о воспитании детей, была любовь — истинная, щедрая, «без хитрости». По замечанию Ю. Ф. Галкина, это такая любовь, которая воспринимается «как условие здоровой жизни, как основа человеческого жизнестроительного дела»²⁰.

Любовь, доброта, трудолюбие, ответственность, тяга к художеству, ровный и открытый нрав — это и составляет сущность отца, каким его запечатлел Шергин в своих произведениях.

В рассказе «Миша Ласкин» показано, как юного Бориса учил любить ближнего отец. Он проявляет особое внимание к приятелю сына, отец которого ушел в дальнее плавание:

19 Там же.

20 Галкин Ю. Отцово знание // Изящные мастера... С. 8.

«Однажды мой отец строил корабль недалеко от города, и мы с Мишей ходили глядеть на его работу. В обеденный час отец угощал нас пирогами с рыбой. Он гладил Мишу по голове и говорил:

— Ешь, мой голубчик.

Потом нальет квасу в ковшик и первому подаст Мише:

— Пей, мой желанный».

А когда сын, приревновавший отца к другу, пытается обмануть Мишу, строго вразумляет его:

«Я всегда ходил на стройку вместе с Мишей. Но однажды я подумал: «Не возьму сегодня Мишку. Умею с кем поговорить не хуже его».

И не сказал товарищу, один убежал.

Корабль уже был спущен на воду. Без лодки не добраться. Я с берега кричу, чтобы послали лодку. Отец поглядывает на меня, а сам с помощниками крепит мачту. А меня будто и не узнает.

Целый час орал я понапрасну. Собрался уходить домой. И вдруг идет Миша. Спрашивает меня:

— Почему ты не зашел за мной?

Я еще ничего не успел соврать, а уж с корабля плывет лодочка. Отец увидел, что я стою с Мишей, и послал за нами.

На корабле отец сказал мне строго и печально:

— Ты убежал от Миши потихоньку. Ты обидел верного товарища. Проси у него прощенья и люби его без хитрости».

О том, какие добрые плоды принес этот отцовский урок, свидетельствует, в частности, сформулированное Борисом Викторовичем в дневнике за 1957 год убеждение: «Будь милостив к людям. Хоть близких тебе милуй до конца. Рассмотрю жизнь человека, который провинился перед тобой. Суди о людях по себе. Разгорячился на ближнего за поступок и сразу же рассуди — а я не поступал так же? Меня обманул приятель, а я разве не обманывал? С окружающих тебя, с приятелей старых и малых и с семейных не взыскивай жестоко, не «выводи на чистую воду», никогда не обидь их, не оскорби, не вгони в краску стыда. Ежели кто заплачет из-за тебя, огнем пусть кинет на тебя каждая такая слеза»²¹.

...Труженик, кормилец и воспитатель, мужественный и добрый, строгий и веселый, справедливый и милостивый — образ отца, каким запечатлел его Виктор

21 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968 // Москва. 1994. № 5. С. 141.

Шергин, полностью соответствует православному представлению об отце семейства. «Отец — это тот, кто осознал, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода. Отец своей жизнью выпрямляет путь рода к Богу», — пишет Евгений Шестун²². Жизнь и творческое служение Бориса Шергина доказывают плодотворность воздействия на него отца.

Под стать отцу и мать, какой увековечил ее Шергин в рассказах и дневниковых записях. Ее образ — воплощение лучших черт национального женского характера, в котором гармонически сочетаются скромность и твердость, нежность и стойкость, незащитность и отвага. И главное содержание женской материнской натуры — деятельная любовь к мужу и детям, родным и знакомым, близким и дальним людям. Основа этой любви — умение видеть в каждом человеке образ и подобие Божие. Борис Викторович, говоря о вере народа в то, что воскресший Христос от первого дня Пасхи до Вознесения «ходит по русской земле невидимо или под видом странника и нищего», вспоминал: «Чуть прозвучит у крыльца или под окном голос просящего «Христа ради», мать бежит на улицу и, подавши красное яичко, колобок и шанежку, поклонится нищему в пояс». А на удивленные вопросы «сторонних» людей, почему она кланяется «оборванцам чуть не в ноги», ответ у Анны Ивановны был один: «Может, это сам Иисус Христос был»²³.

Центральным, наряду с образом отца, образ матери становится лишь в рассказе «Детство в Архангельске». Но созданный здесь выразительный портрет дополняется отдельными деталями, яркими характеристиками, встречающимися в других произведениях писателя.

Материнский характер, представленный в произведениях писателя, — это и воплощение реального конкретного образа родной матери Шергина Анны Ивановны, и квинтэссенция характера женщины-поморки, характера, сформированного многовековой традицией. В Аннушке-невесте Шергин подчеркивает серьезность, сдержанность, чистоту, трудолюбие и несуетность, она «домоседлива и скромна»: «Молоденькая Ивановна не любила ни в гости, ни на гулянья. В будни просиживала за работой, в праздники — с толстой поморской книгой у того же окна» («Детство в Архангельске»). Книжки, которые читала воспитанная в старообрядческой среде мать Шергина, — это не романы, а святоотеческие

22 Шестун Е., *прот.* Православная педагогика. С. 460.

23 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968. С. 145–146.